

HOMO OMNIVM HORARVM

HOMO OMNIVM HORARVM

Сборник статей в честь 70-летия А.В. Подосинова

Symbolae ad anniuersarium septuagesimum
professoris Alexandri PODOSINOV dedicatae

Университет Дмитрия Пожарского

HOMO OMNIVM HORARVM

Symbolae ad anniuersarium septuagesimum
professoris Alexandri PODOSINOV dedicatae

Cura Alexii BELOUSOV
et Catarinae ILYUSHECHKINA
in lucem editae

In aedibus Academiae Pozharskianae
Mosquae
MMXX

HOMO OMNIVM HORARVM

Сборник статей в честь 70-летия
А.В. Подосинова

Под редакцией
А.В. БЕЛОУСОВА
и Е.В. ИЛЮШЕЧКИНОЙ

Университет Дмитрия Пожарского
Москва
2020

УДК 930.85
ББК 63.3(0)32+63.4

Подготовлено к печати и издано
по решению Ученого совета
Университета Дмитрия Пожарского, 2020 г.

Homo omnium horarum: Сборник статей в честь 70-летия А.В. Подосинова / Под редакцией А.В. Белоусова и Е.В. Илюшечкиной. — М.: Издательство Университета Дмитрия Пожарского, 2020. — 760 с.

ISBN 978-5-91244-265-0

Предлагаемый вниманию читателей сборник подготовлен к 70-летию филолога-классика, доктора исторических наук, профессора МГУ имени М.В. Ломоносова, Александра Васильевича Подосинова. В сборник вошли статьи российских и зарубежных ученых по широкому кругу проблем антиковедения и гуманитарной науки в целом. Для филологов, историков и специалистов в области вспомогательных исторических дисциплин, для исследователей древнейшего периода истории Восточной Европы.

УДК 930.85
ББК 63.3(0)32+63.4

ISBN 978-5-91244-265-0 © Белоусов А.В., Илюшечкина Е.В., составление, 2020
© Коллектив авторов, текст, 2020
© Крюков А.М., дизайн, верстка, 2020
© Белоусова А.В., дизайн обложки, 2020
© Издательство Университета Дмитрия Пожарского, 2020

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этом году Александру Васильевичу Подосинову исполняется семьдесят лет. Как и о многих других ученых здесь можно, конечно, сказать, что все эти годы Александр Васильевич посвятил тому, чтобы нам стало известно об античности чуть больше, чем было известно прежде. Но Александр Васильевич не просто ученый, а человек, для которого дружба и любовь обладают не меньшей (если не большей) ценностью, чем академические занятия. Все, кто имеет счастье знать Александра Васильевича лично, могут подтвердить, что само общение с ним – это особое счастье. В любой, даже совсем невеселой ситуации, самый беглый разговор с Подосиновым внушает радость и оптимизм, который он излучает без преувеличения на всех, с кем общается.

Практически для всех в этом сборнике первые шаги в науке были так или иначе связаны с Александром Васильевичем. Кто-то вместе с ним учился на одном факультете, кто-то познакомился с ним на конференции и с тех пор по-настоящему дружит с ним, кому-то он писал отзыв на диссертацию, кому-то повезло еще больше – сама диссертация была написана под руководством Александра Васильевича, руководителя очень внимательного и в любой момент сомнений или научных поисков способного зарядить человека своим интересом и поддержать добрым словом, кто-то проработал с ним несколько лет в одном секторе или на одной кафедре.

Все авторы этого сборника, также как и огромное количество друзей и коллег Александра Васильевича вне этой публикации, хотели бы выразить ему свою любовь и признание. Новых свершений и успехов Вам, дорогой Александр Васильевич! Подобно Томасу Морю для Эразма, Вы для нас всех – *homo omnium horarum*.

А.В. Белоусов и Е.В. Илюшечкина
апрель 2020 г.
Москва, Гамбург

СОДЕРЖАНИЕ

MICHAEL VON ALBRECHT	
De senum utilitate sermo: Dialogus senis (A) et adulescentis (B)	14
ALEXANDRU AVRAM	
Quatre inscriptions de Tomis de l'époque des Sévères	17
Е.Н. АНДРЕЕВА	
Фригийские изобретения у Плиния Старшего	25
Е.В. АНТОНЕЦ	
«Ахиллеида» Стация и «Латинская Илиада» в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки: к истории рукописи	43
Г.С. БЕЛИКОВ	
Сократ в речах 8–9 Максима Тирского	55
ALEXIVS BELOV (QVI ET ALBANVS)	
De uinis testarum formam seruantibus ad Ouid. Tristia III, 10	64
А.В. БЕЛОУСОВ	
Вновь о магии у Плиния Старшего	71
М.В. БИБИКОВ	
Еще раз о «Скифской общности» в византийской традиции	91
Н.В. БРАГИНСКАЯ	
Как придумать имя: «Дафнис и Хлоя»	95
Вдовченко Е.В.	
Luriones Sarmate Певтингеровой карты: еще одна версия происхождения названия	134
А.Ю. ВИНОГРАДОВ	
Toponymica Pontica. Анакопия	141
Т.Н. ДЖАКСОН	
Странствие амазонок, или О квенах древнескандинавских источников	156
Т.В. ЕГОРОВА	
Общие тенденции и региональные особенности импорта чернолаковой керамики в Танаис	169

А.А. ЗАВОЙКИН Волна I и некоторые другие «новые» памятники Боспора (К вопросу о статусе древнейших поселений на Таманском полуострове)	189
А.В. ЗАХАРОВА, А.Е. КУЗНЕЦОВ <i>Ardor amoris, sive annotationes criticae in Apollonii Rhodii Argonautica (3, 281–98)</i>	207
А.А. ЗЕДГЕНИДЗЕ Новый документ к исследованию хоры Херсонеса Таврического: карта Струлова 1786 г.	226
В.В. ЗЕЛЬЧЕНКО Еще раз о смене дня и ночи у Чехова	238
Е.В. ИЛЮШЕЧКИНА Каталоги в «Периэгезе» Дионисия Александрийского	249
Н.Н. КАЗАНСКИЙ Даниэль Готтлиб Мессершмидт в гостях у читинского богача (эпиграмма, написанная 4 марта 1725 года в подражание Марциалу) .	262
С.А. КОВАЛЕНКО Монеты синдов: некоторые замечания о причинах, характере и хронологии чеканки	272
А.В. КОРОЛЕНКОВ Гражданская война 80-х гг. до н. э. на территории провинции Африка	297
А.О. КОРЧАГИН Названия животных в Псалме 90/91	307
И.А. ЛАДЫНИН Сесонхосис «новый», «молодой» или «возрожденный»? Комментарий к Hist. Alex. Magni, A. I.34.2	319
ANNA MALOMUD „Verderbenbringende Kinder“ der Krabben und der Fischer: über eine Formel bei Nikander von Kolophon	331
А.Е. МАНЬКОВ О причинах некоторых языковых изменений (на примере диалекта села Старошведское)	340
А.А. МАСЛЕННИКОВ Меотийские «города» Клавдия Птолемея	354

А.В. МАХЛАЮК Вторая софистика, историческая память и греческий патриотизм в эпоху Римской империи	370
Е.А. МОЛЕВ Стратегии в административной системе Понта	402
А.В. МОСОЛКИН Был ли Марс отцом Ромула и Рема? Комментарии к некоторым свидетельствам ранней римской историографии	412
Д.В. ПАНЧЕНКО Сократ и аттическая комедия в архонство Исарха	434
Е.В. ПРИХОДЬКО Какой оракул возвестил Телефу «Ранивший исцелит»?	447
О.В. РАЕВСКАЯ Фактитив как средство выражения абсолютной власти (на примере одной французской народной песни)	469
О.М. САВЕЛЬЕВА Особенности организации высказываний с семантикой «защиты/наказания» в древнегреческом языке: лексика, грамматика, психология	476
М.В. СКРЖИНСКАЯ Участие женщин в религиозной жизни Ольвии и Боспора	483
М.Н. СЛАВЯТИНСКАЯ Личность — ΠΑΙΔΕΙΑ — творчество — образование	507
О.В. СМЫКА «Письмо из нескольких слогов в ямбическом размере» (К. Манасси, Обзор истории, 4908)	516
С.А. СТЕПАНЦОВ Переложения из греческих поэтов	521
И.Е. СУРИКОВ Павсаний Спартанский, основатель Византия	523
RICHARD J.A. TALBERT Roman Concern to Know the Hour in Broader Historical Context	534
Т.Ф. ТЕПЕРИК Поэтика оружия в «Энеиде» Вергилия	556

М.Ю. ТРЕЙСТЕР

Римские бронзовые сосуды с медальонами с фигурными
изображениями из Сарматии 565

Г.Р. ЦЕЦХЛАДЗЕ

К вопросу о понтийских рабах в Средиземноморье 611

И.Ю. ШАБАГА

Кв. Аврелий Симмах. Вторая похвальная речь в честь
Валентиниана Старшего Августа, произнесенная 1 января
370 года: Перевод с латинского и комментарии 627

М.В. Шумилин

Загадка Фавна (*Calp. Ecl.* 1.87–88): текст и интерпретация 642

VALANFRIDUS (WILFRIED STROH)

Quid de vocalibus pronuntiandis Terentianus Maurus senserit 662

ANCA DAN, HELMUT BRÜCKNER, HANS-JOACHIM GEHRKE,

DANIEL KELTERBAUM, UDO SCHLOTZHAUER, DENIS ZHURAVLEV

*Coracanda, Korokondamè, Korokondamitis: Notes on the most**ancient names of the Cimmerian Bosphorus, the Kuban Bosphorus**and the southern part of the Taman Island* 682

С.А. Хандажинская

Список опубликованных работ А.В. Подосинова 726

CONTENTS

MICHAEL VON ALBRECHT

De senum utilitate sermo: Dialogus senis (A) et adolescentis (B) 14

ALEXANDRU AVRAM

Quatre inscriptions de Tomis de l'époque des Sévères 17

E.N. ANDREEVA

Phrygian Inventions by Pliny the Elder 25

EKATERINA V. ANTONETS

Statius' Achilleis and Ilias Latina in the National Library of Russia:
towards the history of the manuscript 43

GRIGORIY S. BELIKOV

The Image of Socrates in Maximus of Tyre's Orations 8 and 9 55

ALEXIVS BELOV (QVI ET ALBANVS)

De uinis testarum formam seruantibus ad Ouid. Tristia III, 10 64

ALEXEY V. BELOUSOV

On Magic in Pliny the Elder's NH again 71

MIKHAIL V. BIBIKOV

Once more about "Scythian Community" in Byzantine tradition 91

NINA V. BRAGINSKAYA

How to come up with a name: "Daphnis and Chloe" 95

EVGENIY V. VDOVCHENKOV

Lupiones Sarmate on the Tabula Peutingeriana: one more version
of the name origin 134

ANDREY YU. VINOGRADOV

Toponymica Pontica. Anakopia 141

TATJANA N. JACKSON

Wandering of the Amazons, or On the Kvens of the Old Norse Sources . . 156

TATIANA V. EGOROVA

General trends and regional characteristics of the import of Black
Glazed pottery in Tanais 169

ALEXEY A. ZAVOYKIN

- ‘Volna I’ and Some Other “New” Sites in Bosporos (Towards the Question of the Status of the Most Ancient Settlements on Taman Peninsula)** 189

AGLAYA V. ZAKHAROVA, ALEXANDR E. KUZNETSOV

- Ardor amoris, sive annotationes criticae in Apollonii Rhodii Argonautica (3, 281–98)** 207

ANGELINA A. ZEDGENIDZE

- New Document for the Study of Chora of Chersonesus Taurica: Strulov’s Map of 1786** 226

VSEVOLOD V. ZELTCHENKO

- Chekhov’s Dawns and Nightfalls Once Again** 238

EKATERINA ILYUSHECHKINA

- Catalogues in the “Periegesis” by Dionysius of Alexandria** 249

NIKOLAI N. KAZANSKY

- Daniel Gottlieb Messerschmidt visiting a rich man in the Chita region (an imitation of Martial’s epigram written on March 4, 1725)** 262

SERGEY A. KOVALENKO

- Sindian Coinage: Some Reflections on its Reasons, Character and Chronology** 272

ANTON V. KOROLENKOV

- The Civil War in the Roman Province of Africa** 297

ALEXEY O. KORCHAGIN

- Animal names in the Psalm 90/91** 307

IVAN LADYNIN

- Sesonchosis “New”, “Young” or “Renewed”? A Commentary to Hist. Alex. Magni A, I 34.2** 319

ANNA MALOMUD

- „Verderbenbringende Kinder“ der Krabben und der Fischer: über eine Formel bei Nikander von Kolophon** 331

ALEXANDER E. MANKOV

- Causes of some types of language change (with the dialect of the village of Gammalsvenskby as an example)** 340

ALEXANDR A. MASLENNIKOV

- The Meotian “cities” of Claudius Ptolemy** 354

ALEXANDR V. MAKHLAIUK

Second sophistic, historical memory and Greek patriotism in the Roman Empire	370
---	------------

EVGENIY A. MOLEV

Strategies in the Administrative System of Pontus	402
--	------------

ALEXEY V. MOSOLKIN

Was Mars the father of Romulus and Remus? Comments on some evidence of early Roman historiography	412
--	------------

DMITRI PANCHENKO

Socrates and Attic Comedy in the Archon Year of Isarchus	434
---	------------

ELENA V. PRIKHODKO

Which oracle told Telephus «The wounder will heal»?	447
--	------------

OLGA RAEVSKAYA

Factitif comme moyen d'expression du pouvoir absolu (à travers une chanson populaire française)	469
--	------------

OLGA M. SAVELYEVA

Organisation of utterances with “protection/punishment” semantics in Ancient Greek: lexemes, grammar, psychological reality ..	476
---	------------

MARINA V. SKRZHINSKAYA

Women in religious life of Olbia and Bosporos	483
--	------------

MARINA N. SLAVYATINSKAYA

Personality — ΠΑΙΔΕΙΑ — Creativity — Education	507
---	------------

OLGA V. SMYKA

“A letter in some syllables and in the iambic metre” (C. Manasses, Synopsis Historiae, 4908)	516
---	------------

SERGEY A. STEPANTSOV

Translations from Greek Poets	521
--	------------

IGOR E. SURIKOV

Pausanias the Spartan, a Founder of Byzantium	523
--	------------

RICHARD J.A. TALBERT

Roman Concern to Know the Hour in Broader Historical Context	534
---	------------

TAMARA F. TEPERIK

Poetics of armaments in Virgil's Aeneid	556
--	------------

MIKHAIL TREISTER

**Roman Bronze vessels with Medallions bearing Figural Images
from Sarmatia 565**

GOCHA R. TSETSKHLADZE

Pontic Slaves in the Mediterranean: Orthodoxy, Ethnicity and Reality . . 611

IRINA YU. SHABAGA

**Q. Aurelius Symmachus. The second Laudatio (Oratio II) in honor
of Valentinianus Senior Augustus Alter, delivered on January 1, 370:
Translation from Latin and Commentary 627**

MIKHAIL V. SHUMILIN

The Riddle of Faunus (*Calp. Ecl.* 1.87–88): Text and Interpretation 642

VALAHFRIDUS (WILFRIED STROH)

Quid de vocalibus pronuntiandis Terentianus Maurus senserit 662

ANCA DAN, HELMUT BRÜCKNER, HANS-JOACHIM GEHRKE,

DANIEL KELTERBAUM, UDO SCHLOTZHAUER, DENIS ZHURAVLEV

***Coracanda, Korokondamè, Korokondamitis: Notes on the most
ancient names of the Cimmerian Bosphorus, the Kuban Bosphorus
and the southern part of the Taman Island 682***

Sophia A. Khandazhinskaya

List of published Works by Professor Alexander V. Podossinov 726

О ПРИЧИНАХ НЕКОТОРЫХ ЯЗЫКОВЫХ ИЗМЕНЕНИЙ (на примере диалекта села Старошведское)

А.Е. МАНЬКОВ

Резюме: В этой статье рассматриваются некоторые примеры языковых изменений, с которыми мы столкнулись в ходе исследований диалекта села Старошведское. Мы выбрали те примеры, которые либо являются не вполне тривиальными и частотными, либо, наоборот, могут дать материал для изучения наиболее общих причин изменений языка, таких как переход от синтетического строя к аналитическому; возможно, эти примеры будут любопытны в качестве типологических параллелей и для специалистов по классическим языкам.

Ключевые слова: малые языки, языковые изменения, морфологические изменения, морфологическое варьирование, среднекомпетентные носители языка, Старошведское, шведские диалекты.

Диалект села Старошведское, находящегося на Украине, в Херсонской области, исторически относится к шведским диалектам Эстонии, которые до Второй мировой войны были распространены в нескольких сёлах на её побережье и на островах Моонзундского архипелага. Исторически эти диалекты возникли в результате восточно-скандинавской экспансии в восточном направлении (с XIII в.¹), однако в отличие от Исландии и Фарерских островов в Эстонии не сложилось скандинавского литературного языка. В 1782 г. около тысячи шведов — жителей о. Дагё (Хийумаа), который тогда принадлежал Российской империи, были переселены на юг Херсонской губернии, где на берегу Днепра было основано поселение, впоследствии получившее название Старошведское (по-шведски Gammalsvenskby, современное украинское название — Зміївка). Все шведские диалекты Эстонии кроме Старошведского на данный момент являются вымершими, поэтому диалект Старошведского — это не только единственный живой скандинавский диалект на территории бывшего СССР, но и единственный живой диалект из данной группы. Наша первая экспедиция в село состоялась осенью 2004 года, всего было проведено десять экспедиций. До начала нашей работы диалект был предметом специального изучения в 1881 и 1904–1905 гг. Его первоисследователем является шведский диалектолог Херман Вендёлль, который приезжал в село летом

¹ Rosenkvist 2018: 8.

1881 г. и собрал там лексический материал для «Словаря шведских диалектов Эстонии»². Вторым исследователем диалекта был Антон Карлгрэн. Он работал в селе зимой 1904–1905 гг. и составил краткое описание фонетики и словоизменения, изданное много лет спустя³. После работы Карлгрэна наступил перерыв в более чем 100 лет. Существование диалекта в XX в. не замечалось ни официальной властью, ни академическими кругами (ни российскими, ни шведскими, ни украинскими), хотя о самом селе в Швеции хорошо знают. Во время нашей работы в селе число носителей диалекта не превышало 10–15 человек, поэтому диалект находится в группе высокого риска⁴.

Мы разработали для диалекта следующую систему записи:

Гласные: *a* [a], *ā* [a:], *e* [ɛ], *ē* [e:ⁱ, ɛ:ⁱ]⁵, *i* [i], *ī* [i:], *o* [o], *ō* [o:], *u* [u], *ū* [u:], *y* [y], *ä* [ɛ], *ā* [ɛ:], *ö* [œ], *ō* [œ:], *ü* [ø], *ū* [ø:], дифтонги *äi* [ɛ:ⁱ, ɛi], *öü* [œ:^u, œü]⁶. Согласные: *b* [b], *d* [d], *ḑ* [ḑ], *f* [f], *g* [g], *h* [h], *j* [j], *k* [k], *l* [l], *l̥* [l̥], *m* [m], *n* [n] ([ŋ] перед *k*), *ṇ* [ṇ], *ŋ* [ŋ], *p* [p], *r* [r], *s* [s], *ṣ* [ṣ], *t* [t], *t̥* [t̥], *v* [v], *x* [x], *z* [z], *ḑ* [ḑ]. Сочетания *dj*, *gj*, *nj*, *sj*, *tj* обозначают соответствующие палатализованные согласные. Сочетания *skj*, *stj* обозначают [sk^j, st^j]. Долгота согласных внутри морфем обозначается удвоением. Если долгий согласный находится перед другим согласным внутри морфемы, его долгота не обозначается. Дефис используется при разделении элементов в тех сложных словах, которые имеют главное и второстепенное ударение, а также при отделении энклитик. Словесное ударение обычно падает на первый слог. Фразовое ударение показывается с помощью знака '.

1. Нетривиальные фонетические изменения

Примером уникального для диалекта фонетического развития является обозначение 'стакана': *stäka* m. и *stākan* m. < рус. *стакан* (сохраняется и исконное обозначение — *glās*)⁷. Это старое заимствование, оно имело в XIX в., т. к. было записано в Старошведском Венделлем: *stäga* и *stäka* m. (Freudenthal & Vendell 1886: 219). Отсутствие конечного *n* в этих формах, а также колебание *g* / *k* в формах, записанных Венделлем, объяснить легко. Первое является следствием переразложения формы *stākan*. Конечное *n* в диалекте очень часто

² Freudenthal, Vendell 1886.

³ Karlgrén 1953.

⁴ Подробнее о лингвистической ситуации в селе и судьбе диалекта см. Маньков 2018, Mankov 2018.

⁵ Дифтонгоид [e:ⁱ] произносится внутри морфем, например *h*[e:ⁱ]*n* 'курица', [e:ⁱ]*ra* 'ухо'; [ɛ:] (долгое закрытое *e*) произносится в конце морфем: *br*[ɛ:] 'хлеб'.

⁶ Дифтонги обычно выступают в кратком варианте перед долгими согласными и группами согласных, при этом второй элемент произносится сверхкратко, например *g*[ɛi]*glar* 'жабры', [œü]*ks-brün* 'бровь'.

⁷ Ударение в диалектном слове падает на первый слог; тяготение ударения к первому слогу чрезвычайно сильно в диалекте, оно распространяется и на заимствования, ср. *bássar* < *базар*, *bástar* < *бауштан*, *búrak* < *бурак*, *dúrak* < *дурак*, *Käşon* < *Херсон* и мн. др. О супrasegmentных чертах заимствований см.: Mankov 2018: 65.

является суффигированным определённым артиклем единственного числа, например *bitan* (= “the bit”), *honan*, *hāran*, *mōan*, *musan*, *nāvan* и т. д. — формы с определённым артиклем к *bita* ‘кусок’, *hona* ‘петух’, *hāra* ‘заяц’, *mōa* ‘желудок’, *musa* ‘мох’, *nāva* ‘кулак’. Под влиянием таких форм *stākan* было переосмыслено как *stāka* + определённый артикль *-n*, из чего возникла основа *stāka* вместо или наряду со *stākan*. Аналогичных примеров в диалекте немало. В чередовании *g / k* также нет ничего уникального: по-видимому, в диалекте у кратких смычных согласных намечается тенденция к нейтрализации противопоставления по глухости — звонкости в положении между краткими гласными, ср. *viku / vīgu* ‘неделя’, *hita / hida* ‘жара’, *gnatār / gnadār* ‘хохотать’, *botār / bodār* ‘бегать с шорохом’ (например, о мышах). Что же касается гласного *ä* на месте *a*, то *stāka* — единственный пример. В нормальном случае краткое ударное *a* в положении перед кратким согласным и безударным *a* в следующем слоге переходит в диалекте в *o*, ср. диал. *boka* ‘печь’, *skoka* ‘трясти’, *komar* ‘комната’, *homar* ‘молоток’ и шв. *baka*, *skaka*, *kammare*, *hammare*⁸. Таким образом, ожидаемым развитием должно было бы быть *stakan* > **stoka*, но никак не *stāka*. Однако дело в том, что в диалекте имеется вполне употребительное исконное слово *stoka* ‘палка’ (демонстрирующее ожидаемое изменение *a* > *o*, ср. шв. *stake* ‘шест’). Видимо, чтобы избежать совпадения ‘палки’ со ‘стаканом’, *aka* во втором слове дало *ä*, а не фонетически закономерное *o*. Механизм изменения заключается в том, что с одной стороны форма **stakan* или **staka* недопустима в диалекте из-за обязательности перехода ударного *a* в *o*, но с другой стороны переход не может быть осуществлён из-за нежелательного совпадения с уже имеющимся существительным. В этой ситуации выбирается некий третий гласный, отличающийся и от *a*, и от *o*, т. е. имеет место диссимиляция на уровне лексики, семантически обусловленная дивергенция звукового облика.

Ещё один пример нетривиального фонетического развития в диалекте — существительное *svärk* f. ‘четверть литра, чекушка’, которое восходит к изменённому до почти полной неузнаваемости рус. *четвёрка*. Х. Лагман приводит форму *sätvärk*⁹, которая сама по себе является результатом закономерного фонетического развития. Начальное *ч* заменено на *s*, т. к. аффриката [tʃ] никогда не встречается в диалекте в начале слов. Огубленный гласный (рус. *ё*) заменён на *ä*, т. к. *ö* в диалекте имеет ограниченное распространение и не характерно для положения перед *r*. На следующем этапе произошла синкопа безударного *ä*, т. е. *sätvärk* > **stvärk* > *svärk*.

Существительное ‘привидение’ встретилось в двух фонетических формах: *a[n:]d* и *[a:]nd*, причём они зафиксированы у одного и того же информанта. Гласный *a* (и краткий, и долгий) перед сочетанием *nd* в диалекте представляет

⁸ Заметим, что в случае отсутствия согласного между двумя *a*, т. е. при их контакте, происходит другое изменение: первое *a* удлиняется и переходит в *o*, ср. диал. *dōar* ‘дни’ (мн. ч. к *dā* ‘день’) и шв. *dagar*, диал. *mōa* ‘желудок’ и шв. *mage*.

⁹ Lagman 1971.

собой аномалию, т. к. в этой позиции краткое *a* перешло в *ō*, поэтому фонетически закономерной формой была бы **ōnd*; ср. диал. *sōnd* ‘песок’, *hōnd* ‘рука’ и шв. *sand*, *hand*. Этот переход произошёл и в глаголе *ōndas* ‘дышать’, родственном существительному *ānd*. Гласный *a* вызван влиянием шв. *ande* ‘дух’ (произносится с кратким *a* и долгим *n*). В свою очередь, вариант с долгим *ā*, аномальным с точки зрения шведского, вызван ассоциацией с долготой гласного, имевшейся в этом слове. Похожее восстановление краткого гласного произошло в *land* ‘степь’ (вместо фонетически закономерного **lōnd*) под влиянием нем. *Land* или шв. *land*.

Во всех приведённых примерах объяснить механизм изменений оказалось возможным лишь благодаря наличию форм, дающих материал для анализа и сравнения. Если бы наш материал был более ограничен — как, например, в древних языках — подобные случаи могли бы остаться необъяснимыми.

2. Причины изменения рода

В диалекте имеется три рода: мужской, женский, средний. Противопоставления по роду настолько последовательно и глубоко пронизывают всю систему именного словоизменения в диалекте, что нет никаких оснований видеть в существовании трёхродовой системы влияние окружающих диалект языков (славянских и немецкого). Род в диалекте является стабильной грамматической категорией с низкой степенью варьирования. Даже в тех случаях, когда у исконных существительных зарегистрировано колебание в принадлежности к тому или иному роду, оно обычно имеет соответствия в родственных (т. е. скандинавских и германских) языках и диалектах и может отражать древние закономерности¹⁰. Что касается заимствований, то они в абсолютном большинстве случаев сохраняют свой род: *banje* f. ‘баня’, *bank* f. ‘банка’, *bastan* / *bastar* m. ‘баштан’, *boşş* m. ‘борщ’, *búrak* m. ‘буряк’, *dinnje* f. ‘дыня’, *dişl* n. ‘дышло’, *düllje* f. ‘дуля, груша’, *dúrak* m. ‘дурак’, *kánpop* n. ‘канопе’, *káven* m. ‘кавун, арбуз’, *kívik* f. ‘кибитка’ и т. д.

Однако имеются примеры изменения рода у существительных, как у заимствованных, так и исконных. Приведём их список (он практически исчерпывающий): *ablkós* n. ‘абрикос’, *álesk* m. ‘галушка’, *aplsín* n. ‘апельсин’, *bázar* и *bássar* n. ‘базар’, *blüid* m. ‘блюдец’, *boklezáne* n. ‘помидор’ (sic!), *bukstäv* f. ‘буква’, *djogg* n. ‘дёготь’¹¹, *dopär* n. ‘тюрьма’ (< ДОПР, т. е. *Дом принудительных работ*), *frīstik* m. ‘завтрак’, *gürk* m. ‘огурец’, *kađfl* m. ‘картошка’, *kamód* n. ‘комод’, *kástriüll* m. ‘ка-

¹⁰ Так, например, существительное *dagg* ‘роса’ в современном диалекте относится к м. р., однако Венделль указывает ж. р. (Freudenthal, Vendell 1886: 39). Колебание зафиксировано и в других германских языках: др.-англ. *dēaw* m. и n. и др.-исл. *dögg* f. Возможно, однако, что м. р. у этого существительного вызван в современном диалекте ассоциацией с нем. *Tau* m. Другие примеры см. в Маньков 2010: 93–96.

¹¹ В *djogg*, а также в *blüid*, при заимствовании произошло своеобразное урезание основы, см. об этом явлении Mankov 2018: 68.

стрюля', *kopek* м. 'копейка', *sakk* м. 'соха', *sip!* н. 'лук', *slive* п. 'слива', *tsemánt* п. 'цемент', *vāq* м. 'мир'.

Насколько мы можем судить, в большинстве случаев изменение рода вполне возможно объяснить внутридиалектными грамматическими закономерностями. Прежде всего, бросается в глаза средний род у 'абрикоса', 'апельсина', 'помидора' и 'сливы'. Ключом, по-видимому, является форма *slive*, которая обозначает не отдельную сливу (в этом случае употребляется другое слово, *slive-kūn*, букв. «зёрнышко сливы»), а используется в собирательном значении (и заменяется анафорическим местоимением множ. числа *tom* 'они, те'), ср. контекст: *Um sleve... tom kuna-do änt ligge lõjaṭiär; tom fādes. A tom som jära grēnar; tom kuna ān ligge ān pā-ḡakks tī, so blī-dom blōūt-lētatar; so blī-dom gūare, lite sētäre o blōūtare. A tom fādes, tom jära gūare. Um-dom ligge lānjäre, so gō-dom färlōra* 'Если слива... они же не могут лежать долго, спелые. А те, которые зелёные, те могут ещё лежать пару дней, они становятся мягковатыми, становятся вкуснее, немного слаще и мягче. А спелые, те вкуснее. Если они лежат дольше, они пропадают'. Исходя из этого, следует считать, что такие формы как *sleve* и *boklezāne* восходят к русскому или украинскому именительному падежу множ. числа (где диалектное конечное *-e* < рус. *-ы*; это фонетически закономерное изменение¹²) и изначально являются собирательными существительными. Их переход в средний род объясняется влиянием достаточно большой группы вещественных и собирательных существительных, относящихся к среднему роду. Всего в диалекте нами записано 240 непронизводных с синхронной точки зрения существительных среднего рода, из них 75 — вещественные и собирательные¹³. Для обозначения отдельного фрукта или овоща могут использоваться формы *ablkós*, *aplsín*, *boklezán*, однако они сохраняют средний род, характерный для собирательной формы. Так же можно объяснить средний род у *sip!* 'лук' (ср. *цыбуля*; это заимствование вытеснило исконное обозначение, которое сохранилось только в сложном слове *kvit-löük* 'чеснок', букв. «белый лук»), однако в данном случае нельзя исключать влияние похоже звучащих существительных среднего рода *hank!* 'перчатка' и *äpl!* 'яблоко' (они оканчиваются на смычный согласный + *!*). Наконец, влиянием вещественных существительных среднего рода можно объяснить замену мужского рода на средний у *djogg* и *tsemánt* (однако *sírop* 'варенье' сохраняет исконный мужской род).

Другую группу существительных с изменённым родом составляют славянские слова, которые попали в диалект не напрямую, а, вероятно, через эстонский. Это *alesk*, *kastrüll*, *sakk*¹⁴. В эстонском языке нет категории рода. Выбор именно мужского рода для таких существительных объясняется чисто количественным преобладанием мужского рода в диалекте: общее число непрониз-

¹² Mankov 2018: 63.

¹³ См. список в Маньков 2013: 30.

¹⁴ Подробнее об этих словах: Mankov 2018.

водных существительных мужского рода, встретившихся в интервью, — 480, женского рода — 360, среднего — 240¹⁵. Таким образом, мужской род является как бы родом «по умолчанию».

Другая предполагаемая причина смены рода — семантическая ассоциация, когда род изменяется под влиянием слов с тем же или с близким значением. Это относится к *blūd* (м. вместо п. как у рус. *блюде*, под влиянием диал. *taldrik* м. ‘тарелка’), *dopär* (п. вместо м., ср. шв. *fängelse* п., нем. *Gefängnis* п. ‘тюрьма’), *kamöd* (п. вместо м., ср. *sköp* п. ‘шкаф’). Так же можно объяснить изменение рода у неславянских слов, а именно у *vād* (м. вместо исконного ф., вероятно по ассоциации с рус. *мур*), *kadfl* (м. вместо ф. как у нем. *Kartoffel*, ср. рус. *картофель* м.), *bukstäv* (ф. вместо исконного м., ср. рус. *буква*), *frīstik* (м. вместо п., рус. *завтрак*), *gürk* (м. вместо ф. под влиянием рус. *огурец*; женский род у этого слова был зафиксирован в XIX в.¹⁶).

Наконец, имеются такие примеры смены рода, которые мы не можем объяснить ни фонетическими, ни морфологическими, ни семантическими причинами. Это средний род у *bázar* / *bássar* и мужской род у *kópek*. Любопытно, что эти слова не могут не быть хорошо знакомыми носителям диалекта из русского и украинского, что, тем не менее, не отражается на их роде в диалекте. Как нам кажется, сохранение того же рода, которое слово имело в языке-источнике, подразумевает определённое владение этим языком: чтобы при заимствовании отнести обозначение ‘базара’ к мужскому роду, нужно знать, что оно относится к мужскому роду в русском. Возможно, некоторые слова, такие как *bazar* и *kopek*, были заимствованы в ту эпоху, когда у носителей диалекта не было владения русским языком, достаточного для сохранения рода. Здесь нельзя не заметить, что шв. *torg* ‘площадь’, заимствованное из древнерусского, относится в шведском не к мужскому (общему), а к среднему роду, подобно *bazar* в диалекте Старошведского. Интересно, что существительное *bank* ‘стеклянный сосуд’ было записано в XIX в. со средним родом¹⁷. В наших интервью оно относится к женскому роду; вероятно, род был «исправлен» в связи с лучшим владением русским языком.

Весь материал и все те примеры, о которых шла речь до сих пор, не универсальны для всего диалекта. Они взяты из интервью с теми носителями, которых можно назвать высококомпетентными с точки зрения их владения диалектом. Есть и другая группа носителей; в их языке происходят процессы совершенно иной природы. Они рассматриваются в следующем разделе.

¹⁵ Маньков 2013а: 58.

¹⁶ Freudenthal, Vendell 1886: 74.

¹⁷ Ibid.: 20.

3. Языковые изменения, характерные для «полуносителей»

Одним из ложных популярных представлений, связанных с языком, является неосознанное представление о единообразии грамматики и лексики у всех его носителей. Разумеется, даже самое поверхностное наблюдение легко покажет, что в действительности мы имеем совершенно разные группы носителей с точки зрения их грамматической системы и лексики. В случае такого языка как русский, это, например, язык образованных носителей, пользующихся русским как преобладающим во всех сферах с одной стороны, и язык иммигрантов и эмигрантов разных волн и типов с другой. Таким образом, в действительности мы имеем не единый язык, общий для всех носителей, а целый ряд вариантов языка, которые существенно различаются. В отношении малых языков основными типами носителей, выделяемыми в литературе, являются *fluent speakers*, *semi-speakers*, *terminal speakers*¹⁸, т. е. носители с языковой компетенцией высокого, среднего и низкого уровня; в нынешнем Старошведском имеются все эти типы носителей. В нашем исследовании мы долгое время стремились как можно подробнее описать язык наиболее компетентных, «консервативных», носителей, тех, которые способны ответить на любые вопросы по грамматике и словоупотреблению, знавших, как «надо» и как «не надо» употреблять ту или иную форму, хорошо помнивших огромное количество слов. Конечно, благодаря именно таким носителям оказалось возможным дать описание грамматики и составить словарь диалекта. Но постепенно мы накапливали наблюдения над языком другого типа носителей¹⁹. Различие между ними заключается в том, что у консервативных носителей диалект был основным средством общения в детстве, т. к. их родители, и отец, и мать, были носителями диалекта, тогда как у «полуносителей», или среднекомпетентных носителей, он не являлся таковым, поскольку их родители, или один из родителей, были немцами и говорили на немецком. Поэтому для второй группы диалект стал языком, выученным в ходе устного общения. Что касается первой группы, то степень использования диалекта во взрослом возрасте была у них неодинаковой: кто-то говорил на нём с супругом или супругой, кто-то нет, при этом никто из них не пользовался диалектом в общении с детьми и внуками. Ещё раз подчеркнём, что главное — это общение в раннем детстве и юности, а не во взрослом возрасте; в этом случае владение диалектом сохранилось на всю жизнь у всех носителей. Л.А. Утас, одна из основных информантов, на какой-то из моих вопросов ответила: «Ты сейчас спрашиваешь, как это сказать, а последний раз я слышала это слово от бабушки семьдесят лет назад».

Основное, что сразу бросается в глаза при работе со среднекомпетентными носителями, — их ограниченный словарь: им неизвестно огромное количе-

¹⁸ См., например, Grinevald, Bert 2011: 49–51.

¹⁹ Маньков 2013b, 2013c.

ство слов, уверенно и без раздумий употребляемых консервативными носителями. Если бы все носителя диалекта были среднекомпетентными, не могло бы быть и речи о составлении словаря диалекта. В лучшем случае мы бы получили некий список неуверенно названных слов, большинство которых не имело бы полноценных примеров словоупотребления. При этом хорошо прослеживаются две закономерности: низкая степень специализации лексики (а именно, употребление гиперонимов в тех случаях, когда консервативные носители употребляют и гипероним, и гипоним) и употребление описательных конструкций. Так, например, консервативным носителям хорошо известен глагол *mīr* 'строить из камня', «муровать»: *Tom mīd mūr upp* 'Они построили забор', *Tēr vār vār kvār grinde än site-bänk üt-mīd me stäinar* 'Там у каждых ворот была скамейка, построенная из камней', *Ot svīne jār trōe fron brāar hūp-spikka, a ot küda häldär ot buskan jār-e üt-mīd üte stallena* 'Для свиньи корыто сбито из досок, а для коровы или для скота оно вымуровано в сараях'. Среднекомпетентный носитель называет только гипероним *bigge* 'строить': *Tom bigg vägga* 'Они построили стену'. Заметим попутно, что словоформы *bigg* в консервативном варианте диалекта вообще не существует. Её можно интерпретировать как основу презенса²⁰; в приведённом примере консервативные носители употребили бы форму претерита *bēvd*. Использование среднекомпетентным носителем основы глагола, да ещё в урезанном виде, вместо флексивной формы также чрезвычайно показательно.

Вместо глагола «греть» (*hita*; ср. у консервативного носителя: *Sūle hitar hōle* 'Солнце сильно греет') среднекомпетентный носитель использует перифразу «делать тёплым»: *Ja hār vatn gjūt häitt* 'Я нагрела воды'. Вместо «кашлять» (*hust*; ср. *Hon hustar mä blū* 'Она кашляет кровью') — «иметь кашель»: *Ja hār husten, min hās värkär* 'Я кашляю, болит горло' (букв. «я имею кашель, моё горло болит»), при этом у существительного 'кашель' изменён род с женского на мужской²¹.

В отношении морфологии признаком среднекомпетентных носителей является высокая степень варьирования. Здесь следует иметь в виду, что на диалект нельзя неосознанно переносить понятие языковой нормы, запрещающей или игнорирующей использование тех или иных форм в силу предпочтений (или произвола) лингвистов и политиков, составляющих правила, по которым должен существовать язык. Поэтому в речи всех носителей диалекта, в том числе консервативных, присутствует варьирование. Строго говоря, в диалекте нет понятия «правильного» и «неправильного», хотя один информант вполне может называть форму, приведённую другим информан-

²⁰ Ср. инфинитив *bigge*, презенс ед. ч. *biggär*, презенс мн. ч. *bigge*, императив *bigge*. Строго говоря, основой презенса является *bigge-*, а не *bigg-*, т. к. *ä* вместо *e* в *biggär* — это позиционно аллофон *e*, употребляемый в позиции перед *r*.

²¹ *husten* — форма с определённым артиклем мужского рода *-en*; консервативные носители используют форму *husta* с артиклем женского рода *-a*.

том, «неправильной» и убеждать в правильности лишь тех форм, которые приводит он сам²². Скорее можно говорить о достоверных и менее достоверных, «дефективных», формах; такими, прежде всего, являются формы, сконструированные информантами *ad hoc*²³. У консервативных носителей варьирование обычно связано с определёнными сегментами морфологии и затрагивает лишь некоторые формы, являясь, в целом, предсказуемым; кроме того, те же модели варьирования нередко существуют в родственных диалектах и языках, т. е. отражают древние закономерности²⁴. У среднекомпетентных носителей варьирование перестаёт быть предсказуемым. В этой связи существенно то, что знание словоизменения и словаря требует не только знания слов и окончаний (точнее, основ и словоизменительных аффиксов), но и правил, по кото-

²² Так, например, у слабого глагола *smäre* 'мазать' исторически закономерным является претерит *smōđ*. Наряду с этой формой одна из наиболее консервативных носительниц назвала форму сильного претерита *smār*, которая является новообразованием, на что другая носительница возмущённо заметила, что «так говорить нельзя». Действительно, с исторической точки зрения использование сильной формы претерита вместо слабой необычно для современного диалекта. С другой стороны, у сильных глаголов у всех консервативных носителей диалекта (в том числе у той, которая протестовала против варьирования *smār* / *smōđ*) имеется множество случаев колебания, когда слабая форма употребляется наряду или вместо сильной, ср. *gnäi* (сильная, исторически «правильная» форма) и *gnid* (новообразованная слабая форма) — формы претерита к *gni* 'тереть'. У глагола *si* 'видеть' форма слабого претерита *sīd* полностью вытеснила древнюю сильную форму (как если бы в английском вместо *see* — *saw* стали бы говорить *see* — *seed*). Однако с чисто синхронной точки зрения чередование *smār* / *smōđ* и *gnäi* / *gnid* ничем не отличаются.

²³ При этом, мы считаем, не следует гиперкритически относиться к информантам. Этому нас научили два примера. Существительное *skē* 'постол, обувь, которую носили в грязь' было названа лишь одним информантом. Оно не имеет соответствий в стандартном шведском, однако представляет собой не плод фантазии или искажение диалектного существительного *skū* 'ботинок', а является древним словом с такими полностью закономерными с фонетической точки зрения соответствиями как др.-исл. *skæði* n. pl. 'кусочек кожи, из которого можно сшить обувь' (Cleasby, Vigfusson 1957: 564), исл. *skæði* n. 'кусочек кожи для обуви; кожаный башмак' (Árni Böðvarsson 1993: 894), фарер. *skøði* n. 'кусочек кожи или шкуры, из которого можно сделать обувь; башмак, сделанный из кожи или шкуры' (Young, Clewer 1985: 519; Zachariassen 1998: 1072), норн. *skødilepp* 'старый, изношенный, потерявший форму башмак' (Jakobsen 1932: 823). Существительное *jokk* 'болото, топь' также встретилось только у одного носителя. Оно имеет неожиданную параллель в виде шв. *jokk* 'ручей' (заимствование из саамского; это слово в шведском является провинциализмом). Разумеется, носители диалекта Старошведского никак не могли контактировать с саамским. Однако это существительное не «вычитано» из словаря, а попало в диалект из языка коми, с которым носители контактировали в конце 40-х годов во время ссылки в Коми АССР; коми — язык финно-угорской семьи, родственной саамскому.

²⁴ Проиллюстрируем это одним примером. Существительное *lē* 'сустав' в интервью с консервативными носителями имеет целый ряд вариантных словоформ, в том числе формы ед. числа с определённым артиклем *lēan*, *leen* и *lee*. Формы *leen* и *lēan* отражают древнегерманское колебание между *a*- и *n*-основами мужского рода. Форма *lee* является формой среднего рода. Колебание между мужским и средним родом у этого существительного также является древним: ср. древнешв. *lifer* m. и *lidh* n. 'член тела'. В современном шведском произошла лексическая дифференциация форм общего и среднего рода: *led*, -en 'сустав' vs. *led*, -et 'составная часть' (-en — шведский артикль общего рода, -et — среднего). Похожая дифференциация имеется и в фарерском языке: *lidur* m. 'сустав' и *lid* n. 'поколение'.

рым конкретные окончания присоединяются к конкретной основе. Владение этими правилами — такой же важный компонент владения языком, как знание слов и окончаний. Среднекомпетентным носителям известны все те аффиксы, которые существуют в «консервативном» варианте морфологии²⁵, однако они не владеют правилами их распределения. В результате практически любое окончание может быть присоединено к любой основе, что многократно увеличивает количество словоформ. Вместе с этим, может утрачиваться противопоставление граммем. Так, например, для форм презенса единственного и множественного числа обобщается одно и то же окончание (которое изначально может быть окончанием как единственного, так и множественного числа). Пример переноса формы единственного числа на множественное: *Ja korar kadeftar* 'Я окучиваю картошку' и *Ve korar kadeftar* 'Мы окучиваем картошку', где *korar* — по происхождению форма презенса ед. ч. Обратный пример, где форма множ. числа перенесена на единственное: *Ja roka me kvar dagen* 'Я моюсь каждый день' и *Tom roka se kvar daen* 'Они моются каждый день', где *roka* — первоначально форма презенса множ. ч.²⁶ В императиве также имеются примеры неразличения чисел: *Kroka e källan!* 'Лезь в подвал!' и *Kroka änt hitt!* 'Не лезьте сюда' (во втором случае консервативный носитель употребил бы форму множ. числа императива *krokaje*). В речи консервативных носителей такие явления не встречается или встречаются крайне редко в качестве оговорок.

Далее, наряду с флексивными формами среднекомпетентные носители употребляют аналитические и перифрастические конструкции, нехарактерные для консервативного варианта диалекта. В интервью со среднекомпетентным носителем имеется много примеров императива множ. числа с местоимением *ne* 'вы', присоединённым к основе глагола: *Smoka än äin gojij suppa!* 'Попробуй ещё раз суп!' и *Smoka ne välij!* 'Попробуйте суп!'²⁷, *Toļa po tisk!* 'Говори по-немецки!' и *Toļa ne po tisk!* 'Говорите по-немецки!' У консервативных носителей такая конструкция не встречается, во множ. числе императива используется синтетическая форма (т. е. *smoka*, *toļa* sg. — *smokaje*, *toļaje* pl.). Наряду с аналитической формой императива используется перифрастическая конструкция с глаголом *ska* 'следует, должен', причём эта конструкция назы-

²⁵ Поэтому, в частности, мы имеем дело именно с вариантами одного и того же диалекта (т. е. вариантом, на котором говорят «консервативные» носители, и вариантом среднекомпетентных носителей), но не с разными диалектами или языками.

²⁶ Заметим также, что в этих примерах в первом случае использована форма *dagen* 'день', взятая из литературного шведского, во втором — диалектная форма *daen*. Обе формы произнесены без долготы гласного, что не характерно ни для литературного шведского, ни для консервативного варианта диалекта. Подобные контаминации и новообразования (в терминах классической филологии «варваризмы») также являются заметной чертой среднекомпетентных носителей.

²⁷ Исконное диалектное обозначение 'супа' — *väling*. Форма *suppa* в предшествующем примере — контаминация шв. *soppa* и рус. *суп* или нем. *Suppe*; это слово не встречается у консервативных носителей.

вается в ответ на просьбу перевести русское предложение с синтетическим императивом мн. ч. Например, переводом 'Почистите картошку!' является *Ne ska skoḷa kadeḥḥar!*, т. е. «вам следует почистить картошку». Аналогично: *Tō ska änt färkilas!* 'Не простудись!'; *Te ska änt klāga!* 'Не жалуйся!' ²⁸; *Ne ska änt klāga!* 'Не жалуйтесь!' Глагол *ska* встречается в главном предложении и у консервативных носителей, но именно в значении «следует, надо, должен», а не для образования императива: *Ja änt a hāve upp fūtn gnēe, umm skūen änt a vare so trānjār. Tō ska kēp stēre skūar* 'Я бы не натёрла ногу, если бы ботинок не был такой тесный. Надо покупать туфли больше размером'; *Tō ska vara starkār!* 'Ты должен быть здоровым!'; *Tō ska änt arbet so mike* 'Не работай так много'.

Все перечисленные явления потенциально могут иметь далеко идущие последствия для грамматики и лексики, приводя к их значительной перестройке. В связи с упомянутыми выше перифрастическими оборотами нельзя не вспомнить похожие обороты в других индоевропейских языках. В английском, по крайней мере в разговорном варианте, при обозначении некоторых обыденных действий предпочтительны выражения типа *to have a rest* 'отдыхать' (а не *to rest*), *to have a bath* 'купаться' (наряду с *to bathe*). В персидском так называемые сложные глаголы типа *kār kardan* 'работать' («делать работу»), *esterāhat kardan* 'отдыхать' («делать отдых»), *kelid kardan* 'запирать' («ключ», «делать»), *bu kardan* 'нюхать' («запах», «делать»), *dust dāstan* 'любить' («друг», «иметь»), *pā šodan* 'вставать' («нога», «делаться, становиться») вытеснили соответствующие простые глаголы. Количество простых глаголов в новоперсидском не превышает 300, включая малоупотребительные и вышедшие из употребления; процесс активного образования сложных глаголов наблюдается начиная с XIII в. ²⁹ В современном разговорном санскрите вместо простых глаголов часто употребляется конструкция с глаголом «делать» + отглагольное существительное, причём это происходит как с теми глаголами, которые можно назвать правильными (типа *garjati, cintayati*), так и с теми, которые имеют сложно устроенную парадигму (типа *śṛṇoti*): *smaraṇam karoti* 'помнить' («делать воспоминание»), *cintanaṇ karoti* 'думать' («делать раздумье»), *garjanaṇ karoti* 'реветь', *rodanaṇ karoti* 'плакать', *śravaṇam karoti* 'слушать' и т. п. вместо *smarati, cintayati, garjati, roditi, śṛṇoti* ³⁰.

Аналитические и описательные обороты удобны прежде всего для среднекомпетентных носителей, т. к. зная несколько базовых глаголов и основу существительного, намного проще создавать обозначения действий, чем при

²⁸ *klāga* — либо немецкая, либо шведская форма, в диалекте 'жаловаться' — *kḷōa*. Местоимение *te* в этом примере также употреблено «неправильно» с точки зрения консервативной грамматики, т. к. изначально *te* — объектная форма к *tō* 'ты' (ср. «правильное» употребление *tō* в предыдущем предложении), т. е. у среднекомпетентного носителя размывается противопоставление субъектной и объектной форм местоимения 'ты'; подробнее об этом см. Маньков 2013b: 35.

²⁹ Рубинчик 2001: 217.

³⁰ Kuṭumbaśāstri 2004: 96.

синтетических формах, которые нередко являются непредсказуемыми и требуют индивидуального запоминания, особенно в языках такого типа как санскрит, древнегреческий и латинский (и даже древнеанглийский), где многие слова, особенно глаголы, требуют знания целого ряда словоформ. В этом случае описательные и аналитические конструкции избавляют от необходимости владения парадигмами (и выступают, таким образом, «убийцами» синтетического строя). При интервьюировании среднекомпетентных носителей мы постоянно наблюдали их неуверенность и дискомфорт, вызванные путающимися окончаниями и, наоборот, охотное использование аналитических конструкций, т. е. смена строя языка происходила буквально на наших глазах. Именно поэтому такие языки как диалект Старошведское являются своего рода лабораторией, в которой процессы изменения языка могут наблюдаться в ходе их совершения. Надо также отметить, что описанные затруднения среднекомпетентных носителей были связаны с чрезвычайно скромными по объёму парадигмами. Что же говорить о том количестве и сложности словоформ, которые характерны для таких языков как санскрит и древнегреческий? Мы не стремимся свести причины смены ярко выраженного синтетического строя на более аналитический, которая произошла во многих индоевропейских языках, исключительно к процессам, происходящим у среднекомпетентных носителей. Однако, как нам кажется, изучение закономерностей их языка может дать интересный материал для исследования механизмов языковых изменений.

ЛИТЕРАТУРА

- Маньков 2010 — Маньков А.Е. Грамматические категории существительного в диалекте села Старошведское // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2010. 2 (20). С. 92–111.
- Маньков 2013а — Маньков А.Е. Диалект села Старошведское: обзор морфологии // Тоштендаль-Салычева Т. А. (ред.). Мир шведской культуры: Сборник статей. М., 2013. С. 55–105.
- Маньков 2013б — Маньков А.Е. Проблема структурных изменений в исчезающем языке // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2013. 2 (32). С. 30–44.
- Маньков 2013с — Маньков А.Е. Структурные изменения в исчезающем языке и вопрос о разрушении языка // XXIII ежегодная конференция ПСТГУ. Материалы. М., 2013. С. 274–275.
- Маньков 2018 — Маньков А. Е. Диалект села Старошведское: некоторые итоги и перспективы изучения // Семёнова Кс. П. (ред.). Малые языки в большой лингвистике. Сборник трудов конференции 2017. М., 2018. С. 125–131.
- Рубинчик 2001 — Рубинчик Ю.А. Грамматика современного персидского литературного языка. М., 2001.

- Árni Böðvarsson 1993 — *Árni Böðvarsson*. Íslensk orðabók. Reykjavík, 1993.
- Cleasby, Vigfusson 1957 — *Cleasby R., Vigfusson G.* An Icelandic-English Dictionary. 2nd ed. Oxford, 1957.
- Freudenthal, Vendell 1886 — *Freudenthal A., Vendell H.* Ordbok öfver estländsk-svenska dialekterna. Helsingfors, 1886.
- Grinevald, Bert 2011 — *Grinevald C., Bert M.* Speakers and Communities // Austin P., Sallabank J. (eds). The Cambridge Handbook of Endangered Languages. Cambridge, 2011. P. 49–51.
- Jakobsen 1932 — *Jakobsen J.* An Etymological Dictionary of the Norn Language in Shetland, I–II. London; Copenhagen, 1928–1932.
- Karlgren 1953 — *Karlgren A.* Gammalsvenskby: Uttal och böjning i Gammalsvenskbymålet // Svenska landsmål och svenskt folkliv. B 56. Stockholm, 1953.
- Kuṭumbaśāstrī 2004 — *Kuṭumbaśāstrī V.* Saṃskṛtasvādhyāyaḥ. Prathamā dikṣā. Vākyavyavahāraḥ (Teach Yourself Samskrit. Part 1). Nava Dehalī, 2004.
- Lagman 1971 — *Lagman H.* Ryska lånord i estlandssvenska mål // Svio-estonica. 1971. XX (11). P. 3–29.
- Mankov 2018 — *Mankov A.* Slavonic Loanwords in the Dialect of Gammalsvenskby // Svenska landsmål och svenskt folkliv. 2018. 141. Pp. 29–73.
- Rosenkvist 2018 — *Rosenkvist H.* Estlandssvenskarna — en historisk och språklig bakgrund // Rosenkvist H. (ed.). Estlandssvenskarnas språkstruktur. Göteborg, 2018. P. 7–31.
- Young, Clewer 1985 — *Young G.V.C., Clewer C.* Føroysk-ensk orðabók. Faroese-English Dictionary. Tórshavn, 1985.
- Zachariassen 1998 — *Zachariassen P.* (ed.) Føroysk orðabók, I–II. Føroya fróðskaparfelag, 1998.

CAUSES OF SOME TYPES OF LANGUAGE CHANGE (with the dialect of the village of Gammalsvenskby as an example)

ALEXANDER E. MANKOV

Abstract: This article deals with several types of language change that I observed in the dialect of Gammalsvenskby, the only surviving Scandinavian dialect in the territory of the former USSR, which is now highly endangered. I have chosen for this article those changes that are either not quite trivial and frequent, or, conversely, may be instructive with regard to general mechanisms of language change such as the transition from synthetic to analytic language structure. Specifically, the article describes a rare phonetic change in the noun *stäka* 'glass' < Russ. *stakan*. The vowel *ä* instead of a phonetically regular *o* is caused in this case by the need to avoid similarity to the already existing noun *stoka* 'stick'. This can be described as a lexical dissimilation, i. e. a semantically conditioned phonetic divergence. The article also discusses reasons for gender change in a number of nouns in the dialect. Finally, it describes grammatical and lexical features of semi-speakers of the dialect and their possible role in the structural change of the language.

Keywords: endangered languages, language change, morphological change, morphological variation, Gammalsvenskby, Swedish dialects.

Александр Евгеньевич Маньков,
канд. филол. наук, старший научный сотрудник
филологического факультета ПСТГУ,
приглашённый научный сотрудник
кафедры шведского языка Гётеборгского университета
и Национального общества «Контакт со Швецией»
mankov2017@gmail.com